

ВОССТАНИЯ

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИДЕОЛОГОВ

**Георгий
Кулаков**

**БИБЛИОТЕКА
STRIKUN.RU**

Георгий Кулаков Восстания. История идей и идеологов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50437643

ISBN 9785449818645

Аннотация

Сегодня, во время, когда из повестки убирают само явление протеста – «зацензуривая» слова песен (!), убирая из новостных выпусках сюжеты о массовых акциях, снимая фильмы о том, что все бунтовщики и революционеры в истории России наивные дурачки, мы считаем важным рассказать, чем руководствовались лидеры протестной активности на разных этапах истории страны.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЯ	6
Крестьянские утопии: первые шаги к идеологии	8
Несколько вводных замечаний	8
Идеология как она есть	10
Замыслы и помыслы: зачатки крестьянской идеологии	12
Идеология без идеологов?	14
Идеологический «фронт» средневековья	16
Степан Разин и его «прелестные грамоты»	20
Крестьянская идеология феодальной России: попытка осмысления	23
Война под предводительством Пугачёва – время перемен	24
Диалектика идеологии восставших	27
«...не пропадёт ваш скорбный труд и дум высокое стремленье»	29
Первые российские революционеры	29
Тайные общества декабристов	31
Идеология декабризма как историческое явление	34
Европейское просветительство и российские реалии	36
Политические взгляды декабристов	40

Деформированный либерализм и его последствия	44
Лидеры декабристов и их взгляды	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Восстания

История идей и идеологов

Георгий Кулаков

Редактор Сергей Стрикун

Дизайнер обложки Дарья Яковленко

© Георгий Кулаков, 2021

© Дарья Яковленко, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4498-1864-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Это второе историческое изложение после книги «ОТ РУССКОЙ ПРАВДЫ ДО НАШИХ ДНЕЙ» от автора STRIKUN.RU Георгия Кулакова.

Сегодня, во время, когда из повестки убирают само явление протеста – «зацензуривая» слова песен (!), убирая из новостных выпусков сюжеты о массовых акциях, снимая фильмы о том, что все бунтовщики и революционеры в истории России наивные дурачки, мы считаем важным рассказать, чем руководствовались лидеры протестной активности на разных этапах истории страны.

Нам кажется, что люди, которые могли возглавить протестные движения – главные патриоты нашей страны, бесстрашные люди. Процветание своей родины они поставили выше собственной жизни. Конечно, можно с опаской относиться к некоторым взглядам, но, нам кажется, что стоит их обсудить.

Не стоит и сомневаться, протестные движения не возникают просто так, а бунтовщики не «за все хорошее, против всего плохого». В большинстве случаев, лидеры протеста – носители той или иной идеологии, тех или иных выверенных взглядов. Именно о взглядах мы и хотели бы поговорить.

Много места было отдано рассмотрению и оценке большевизма. Это не говорит о том, что автор и редакция «про-

жженные» коммунисты. Мы знаем, что СССР нанес нашему народу такую историческую рану, которую мы искупаем до сих пор, несмотря на прогрессивные взгляды основателей. Автор пытается переосмыслить идеологию, дать ей оценку. Если хотите это своеобразная попытка психотерапии.

Приглашаем вас с ней ознакомиться.

Крестьянские утопии: первые шаги к идеологии

Несколько вводных замечаний

Говоря о формировании идеологических воззрений борцов против эксплуатации в России (в том числе – и в предшествовавшем ему исторически Московском государстве), необходимо обратить свой взор на крестьянские войны XVII – XVIII веков.

Известный исследователь отечественной истории академик Л. В. Черепнин отмечал, что «крестьяне боролись не против феодализма, а против его представителей, не против феодального государства, а против тех, кто стоял во главе его. Конечно, боролись люди против людей, но одни составляли господствующий класс, другие – класс эксплуатируемый. Борьба шла за насущные интересы, но возможность удовлетворения этих интересов упиралась в существующие порядки. Конечно, крестьяне не понимали и не могли понять основ феодальной общественной системы, но их стихийный протест против созданных ею условий существования в конечном итоге был направлен против неё самой. И как бы ни персонифицировалось направление классовой борьбы, она

была классовой, антифеодальной».

При относительном единстве подхода к оценке классового противоборства в то время историки дискутируют по поводу того, каким образом охарактеризовать воззрения участников крестьянских войн, в том числе – считать ли эти взгляды идеологией или же нет.

Идеология как она есть

Научная оценка идеологии заключается в том, что она, во-первых, является одной из форм общественного сознания, а во-вторых, – представляет собой комплекс идей, стремлений, требований, которые выражают коренные интересы определённых социальных групп (в том числе – классов). Поскольку каждый класс имеет свои, отличные от других, коренные интересы и их защищает, то можно с уверенностью заявить о том, что каждый класс защищает свои интересы. Здесь мы можем говорить о широком значении термина «идеология».

Исследователи, изучавшие идеологические взгляды и представления угнетённых классов и сословий в докапиталистических формациях, рассматривают эти взгляды и представления как отсталые и примитивные, а та идеология, которая была присуща трудящимся массам (включая крестьянство) в начале XX века, разительно отличается от той, что была им свойственна в XVII – XVIII веках. Но говорить об отсутствии какой-либо идеологии и в тот период едва ли правомерно. При всей «смутности» и даже утопичности воззрений средневекового крестьянства она едва ли может быть определена как некая «социальная психология».

Оперируя понятием «идеология» применительно к крестьянству эпохи средних веков, нужно исходить из прин-

ципа историзма. По мнению исследователя Е. В. Гутновой, сводить всю духовную жизнь крестьянства в средние века исключительно к социальной психологии неверно, поскольку современное содержание этого термина переносится автоматически на иную эпоху. Сегодняшняя оценка взглядов как стихийная исторически может быть неприменимой к тому времени, поскольку тогда эти воззрения могли восприниматься современниками как достаточно высокую – в сравнении с предшествующим периодом – степень сознательности. Говоря об отрицании у средневекового крестьянства своей идеологии, некоторые современные нам историки таким образом пытаются доказать, что в феодальном обществе якобы отсутствовали классовые и идейные противоречия.

Замыслы и помыслы: зачатки крестьянской идеологии

Одна из имеющихся в исторической науке точек зрения предполагает, что в эпоху феодализма для крестьянства в России было характерно лишь наличие социальных чаяний и помыслов (т.е. социальной психологии, оцениваемой как некий «нижний этаж» общественного сознания). Такие исследователи полагают, что участники крестьянских войн оказывались способными только на интуитивное понимание необходимости бороться с феодалами, но свои убеждения, помыслы и чувства (в обобщенном виде – классовую психологию) не могли оформить их в какую-либо цельную антифеодальную идеологию, ибо она относится к «верхнему этажу» общественного сознания. Исходя из такого подхода, эти учёные утверждают, что для разработки идеологии мыслители должны обладать и соответствующим образованием, и специальными научными знаниями, и запасом свободного времени, а на основе таких умозаключений приходят к выводу о том, что собственно об идеологии крестьянства в России возможно говорить применительно к эпохе первой русской революции 1905 – 1907 годов. При этом как-то в стороне от мыслительного процесса современных нам аналитиков оказывается очень важное обстоятельство. Ведь интересы крестьянства выражали представители других сослов-

но-классовых групп (к их числу относились, в частности, еретики XVI века типа Феодосия Косого, «идеолог русского купечества» конца XVII – начала XVIII века И. Т. Посошков, дворянский революционер А. Н. Радищев, революционеры-демократы и народники).

Идеология без идеологов?

Вопрос о том, как оценить практическую деятельность участников крестьянских войн в идеологической сфере, по-прежнему занимает ряд исследователей. Так, к примеру, Б. Г. Литвак и Р. В. Овчинников полагали, что у движения во главе с Е. И. Пугачёвым своих идеологов не было, а замыслы и помыслы восставших прослеживались в указах и манифестах (эти документы издавались Пугачёвым от имени «императора Петра III»). Ключевым стоит назвать обещание «всякой вольности» (оно в равной степени относилось к людям, являвшимся представителями разных сословий). Как бы то ни было, но в известном июльском (1774) манифесте Пугачёва говорилось о «полной ликвидации класса помещиков» и уничтожении личной зависимости крестьян. Собственно говоря, на захваченной восставшими территории эта линия и проводилась. Участники крестьянской войны ставили вопрос ни много ни мало о переходе крепостных крестьян в сословие государственных крестьян с правами и обязанностями казаков. Хотя такая программа по-своему утопична, но может быть всё же охарактеризована как некая программа борьбы и даже проявлением определённой идеологии.

Оценка крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачёва (1773 – 1775) неоднозначна. Она рассматри-

вается как «одно из крупнейших антифеодальных выступлений народных масс России», наложившее отпечаток на последующий период истории. Но есть и такой подход, который оставляет восстание за пределами традиционно (по крайней мере, в советской историографии) понимаемого «освободительного движения». Последняя характеристика связана с тем, что участники крестьянской войны не ставили перед собой целью слом крепостнической системы, а вели борьбу «против дворянства и феодальной эксплуатации».

Идеологический «фронт» средневековья

Значимость вопроса о том, была или же отсутствовала идеология у крестьян-повстанцев, заключается в том, что ответ на него позволяет оценить историческую роль и прогрессивность крестьянских движений как таковых, а также понять, какое воздействие взгляды этих повстанцев оказали на формирование освободительных традиций в обществе (в первую очередь – среди крестьянства как самого многочисленного на тот момент, основного производящего и эксплуатируемого класса).

При этом важно понимать, что крестьянство явилось одним из источников возникновения и развития предпролетариата, а затем и пролетариата. А традиции революционной борьбы пролетариата имеют истоки в классовой борьбе крестьянства. В значительной мере можно говорить о том, что взгляды участников освободительного движения в России (особенно на начальном этапе) «вращены» на ранее сформировавшейся основе – в период крестьянских восстаний под руководством Болотникова и Разина, Булавина и Пугачёва.

Говоря об идеологии участников крестьянских войн, нужно понимать связь её с идеологией народной борьбы против феодальной эксплуатации как таковой. Последняя так или

иначе проявлялась в период крестьянских и городских восстаний и на Руси (в XI – XV веках), и в Русском государстве (в XVI веке). Уже в тот период проявились особенности, которые оказались свойственными и проявлениям классового антагонизма в последующее время: характерными чертами являлись разрозненность, стихийность, антифеодальный характер выступлений, а также религиозная форма классового протеста против эксплуатации. Как бы не оценивалась эта идеология эксплуатируемого класса (её, и не без оснований, называют и незрелой, и утопичной, а идейные воззрения крестьянства – туманными), они являлись факторами классовой борьбы, протекавшей в то время в конкретных исторических и географических условиях. При этом восприятие такого фактора исключительно как «социальной психологии» принижает значение идеологического противостояния эксплуатируемых и эксплуататоров, рисует первых как пассивных и поддающихся влиянию вторых. Эксплуатируемые противопоставляли взглядам эксплуататоров свои собственные взгляды и требования.

Объективности ради нужно признать факты господства идеологии эксплуататорских классов в антагонистических обществах и использования обширного инструментария для воздействия на эксплуатируемых. Хотя идеология эксплуататоров, основанная на идеях провиденциализма (иначе говоря – богоустановленности системы эксплуатации большинства меньшинством), да и идеология эксплуатируемых,

для которой характерен утопизм (в силу невозможности ни сориентировать приверженцев в направлении действий, ни обозначить перспективу борьбы) были ненаучными по характеру, для эксплуататоров всегда характерны попытки представить свои воззрения как идеологию всего общества. Но такое обстоятельство нужно соотнести с тем, что идеологические воззрения крестьян ярче всего прослеживались в требованиях участников восстаний.

Говоря об идеологическом противостоянии в средневековье, нужно учитывать многочисленность источников, в которых закреплена идеология эксплуататоров: это и Соборное уложение 1649 года, и царские указы, и публицистика того времени. Что касается идеологии эксплуатируемых, то она отразилась в других документах (их число несоизмеримо меньше, да сохранность – значительно хуже): это челобитные, отдельные литературные и исторические памятники, фольклор.

Идеологическое противостояние, складывавшееся в период народных восстаний, достигало пиковых значений для своего времени. Если целям пропаганды идеологии господствующего класса служили царские указы и грамоты, проповеди иерархов церкви, литературные произведения, то повстанцы распространяли так называемые «прелестные грамоты», в которых призывали население к восстанию.

В настоящее время лишь отчасти учёным удалось установить имена идеологов того времени. Хотя идеологии обе-

их противостоящих друг другу сил были ненаучными, но их представители достаточно чётко обозначали интересы противоборствующих сторон.

Степан Разин и его «прелестные грамоты»

В этих документах (представители правительственного лагеря называли их «воровскими письмами», поскольку термин «вор» в ту пору обозначал преступника вообще) сформулированы взгляды и требования людей, составлявших большинство населения тогдашней страны. По свидетельству историков, изучавших крестьянскую войну под предводительством Степана Разина, руководитель восстания призывал «изменников из Московского государства вывезть и черным людям дать свободу» («чёрными людьми» именовались все налогоплательщики, а дворянство и духовенство к их числу не относилось). В «прелестных грамотах» содержались призывы к расправам с «изменниками», «мирскими кровопивцами», что вполне отвечало взглядам угнетённых масс.

Противостояние сил в ходе крестьянской войны под предводительством Степана Разина происходило не только в форме боестолкновений сил восставших и правительства. Широко распространилась практика чтения прокламаций атаманами и агитаторами, им противостояли царские воеводы, священнослужители и специальные представители царской власти, которые склоняли народ к послушанию.

По-своему показательными являются инциденты, в хо-

де которых представители обеих противоборствующих сторон выявляли документацию классовых противников. Сподвижники Степана Разина на двух перевозах на реке Суре обыскивали проезжавших, дабы выявить почту, направляемую командующему царской армией, которая расправлялась с восставшими. Аналогичные действия предпринимали и каратели: обнаруженные документы повстанцев изымались и переправлялись в Москву в качестве доказательств антигосударственной деятельности участников восстания.

Хотя «прелестных грамот» сохранилось немного, но их содержание изложено во многих правительственных документах. Это позволило современным учёным утверждать, что «грамоты» распространялись весьма широко, и в них содержались призывы не только к борьбе, расправе с феодалами, приказными деятелями, богатыми торговцами, всеми стоявшими на стороне карателей, классовых врагов восставших (стрельцами, солдатами), но и к объединению сил восставших в борьбе с феодалами, к походам на Казань и на Москву. Отдельно нужно сказать, что в «прелестных грамотах» возможно найти сведения о том, что среди повстанцев находились царевич Алексей Алексеевич и бывший патриарх Никон. Это говорит о двояком характере прокламаций Степана Разина и его сподвижников: классовый подход в определении врагов всех эксплуатируемых сочетается в таких документах с царистскими умонастроениями восставших (в известной степени можно говорить, что попытки

выставить своими сторонниками некоторых представителей господствующего класса преследовали чисто агитационные цели).

Показательно и другое: широкая идеологическая кампания сторонников Разина может быть оценена как проявление у восставших элементов сознательности, организованности и некоторой централизованности.

Крестьянская идеология феодальной России: попытка осмысления

При всей наивности и утопизме идеология крестьян того времени всё же являлась идеологией, поскольку отражала интересы и требования угнетённой части населения. Известно, что в охваченных движением районах крестьяне не только не работали на феодалов и не платили оброчных платежей и государственных налогов, но и изгоняли и даже убивали дворян, учиняли разгром их имений. Это побуждало представителей эксплуататорских классов покидать территории.

Изменения в идеологии крестьян в ходе войны под предводительством Кондратия Булавина

Во время этой крестьянской войны, протекавшей в начале XVIII века, идеологическая составляющая была тоже чрезвычайно важной. Можно с уверенностью говорить о той роли, которую играли антифеодальные и антикрепостнические лозунги. При этом по-своему показателен следующий факт. Часть восставших (во главе с Булавиным) поначалу придерживалась «царистских» взглядов, другие же участники крестьянской войны уже начали отказываться от надежд на милость Петра I. Такой поворот в самосознании случился и с Кондратием Булавиным, о чём свидетельствует запрет положительных отзывов о царев в стане восставших под страхом смерти.

Война под предводительством Пугачёва – время перемен

Протекавшая в 1773 – 1775 годах крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачёва характеризуется изменениями как в методах борьбы, применявшихся восставшими, так и в их идеологии. В программных документах движения (ими стали манифесты, указы, воззвания самого Пугачёва и его сподвижников) содержатся призывы к уничтожению крепостничества, дворян, отмене налогов и податей, ликвидации помещичьего землевладения, передаче земли, угодий и дворянского имущества в вечное и безвозмездное пользование крестьянам. Последние рассматривались в качестве сельских хозяев, организованных на началах свободного и равноправного общежития в рамках созданного по казацкому образцу государства, возглавляемого «хорошим», «мужицким» царём. Такую программу социально-экономических и политических преобразований разработал «заговорщицкий центр» (т.е. повстанческий штаб Пугачёва). Повстанческое движение существенно продвинулось вперёд в плане организационной и идеологической зрелости. В определённой степени возможно даже говорить о приближении его к сознательному революционному движению, хотя крестьянская война по-прежнему оставалась в основном стихийным процессом.

Правительство Екатерины II было не на шутку перепугано распространением освободительных и антикрепостнических идей в охваченных крестьянской войной районах и предпринимало все усилия по конфискации и уничтожению агитационных материалов. Дошло дело даже до того, что одно из воззваний повстанцев было обнаружено в царском дворце, после чего 10 января 1774 года Сенат издал специальный указ по поводу борьбы с повстанческими призывами.

Один из исследователей крестьянской войны, В. И. Сёмевский охарактеризовал знаменитый манифест Е. И. Пугачёва от 1774 года как «жалованную грамоту всему крестьянскому люду», как «хартию, на основании которой предстояло создать новое, мужицкое царство». Своего рода контрпропагандой стало обращение к народу генерала П. С. Потёмкина: этот глава карательной экспедиции со всем гневом обрушился на призывы Пугачёва и попытался уговорить население отстать от восстания.

Особенности идеологии повстанцев в ходе крестьянской войны стали наиболее очевидными. Упор делался на стремлении крестьянства к земле и воле, к «чёрному переделу» – уничтожению помещичьего землевладения и крепостничества, да и самого класса помещиков-крепостников. По оценкам исследователей, центральным звеном идеологии повстанцев были идеи освобождения от крепостного гнёта, налогов, произвола властей, а также идеи равенства и свободы. Они были определяющими для русского казачества, ко-

торое образовало на окраинах России несколько своеобразных «республик», отчасти рассматриваемых как противостоящих крепостническим порядкам в стране.

Как казачество, так и эти «республики» современные историки характеризуют как результат классовой борьбы социальных низов (в первую очередь – крестьянства). Там находила воплощение идеология крестьянства и его общинная организация, но – без помещиков и правительства. Созданные беглыми русскими и украинскими крестьянами, а также представителями других угнетённых слоёв населения казачьи организации рассматриваются ныне как продолжение и развитие традиций крестьянской общины (мира). Выборность, общие сходки (круги) являлись, по сути, возрождением старинных вечевых традиций, традиций народных собраний.

Организация и идеология казачества времён крестьянской войны под предводительством Пугачёва явились в значительной мере порождением идеологии и общинной организации, характерной для крестьянства. Но казачество, можно заметить, привнесло в крестьянское движение элементы организованности и сознательности. Располагал к себе крестьян взгляды казаков, привыкших жить без помещиков. Хотя отрицательное отношение казачества к земледелию едва ли могло устроить крестьян.

Диалектика идеологии восставших

Для идеологии восставших было характерно переплетение консервативных и прогрессивных элементов. Оно и неудивительно, поскольку темнота, отсталость, забитость и разобщённость отнюдь не способствовали выработке чёткой политической программы. Для значительной части участников крестьянских войн был характерен «наивный монархизм».

Выдвигая требования, восставшие осуществляли часть их на территории, находившейся под их контролем. Что же касается масштабов и форм, в которых шла реализация выдвинутых требований, то до XVII века этот процесс не мог быть осуществлён.

«Наивный монархизм» представлял собой веру в «хорошего царя». По сути, это была утопическая идея, отчасти нашедшая свою реализацию в начале XVII столетия в практике самозванцев (первому из них, хоть и ненадолго, удалось захватить престол, что отчасти связано с проходившей тогда крестьянской войной). Для «наивного монархизма» характерно, что восставшие не только могли «переориентироваться» с правителя «плохого» на правителя «доброего» (ранее такого не наблюдалось и близко). Более того, провозглашение «царём» или же «царевичем» человека из своей среды делало фигуру монарха для восставших лицом, лишён-

ным сакрализации власти. Основным критерием, по которому осуществлялся отбор в «монархи», была способность лица отвечать взглядам и стремлениям восставших – эксплуатируемых и обездоленных. В сути такого «монархизма» лежала прагматическая основа, даже наивная и неосуществимая, но это была совсем не та мистическая и иррациональная основа, о которой твердили реальные монархисты, стремившиеся уверить мир и себя в том, что русский мужик слепо верит в «царя-батюшку». Монархические иллюзии начали, хоть и не быстро, рассеиваться. Хотя до полного отказа от них, как показывает историческая практика, «дистанция огромного размера»...

**«...не пропадёт ваш скорбный
труд и дум высокое стремленье»**

Первые российские революционеры

Движение декабристов (оно получило своё название в честь событий 14 декабря 1825 года, когда произошло главное событие в его деятельности – восстание на Сенатской площади Санкт-Петербурга) вошло в российскую историю как первое революционное движение. Оно включало в себя главным образом прогрессивно настроенных дворян-офицеров и было направлено на кардинальное изменение политических и общественных порядков в России.

Возникновение движения декабристов порождено целым рядом факторов. Одним из них, безусловно, стоит полагать патриотический подъём, связанный с итогами Отечественной войны 1812 года. Не последнее место возможно отнести и ознакомление части российских дворян с порядками в Западной Европе в ходе заграничных походов русской армии в 1813 – 1814 годах, предпринятых с целью разгрома армии Наполеона, вторгавшихся в Россию в 1812 года. Там, за рубежом, не было крепостного права, но было широко распространена философия Просвещения (её представите-

лями в России выступали Н. И. Новиков и А. Н. Радищев), а в начале 1820-х годов в целом ряде европейских стран произошли революции.

Тайные общества декабристов

Одно из них, существовавшее в 1816 – 1817 годах под названием «Союз спасения», представляло собой сугубо конспиративную организацию, сходную по типу с масонским орденом. Численность союза была невелика – в пределах 10—12 человек; видную роль в нём играли братья А.Н. и Н. М. Муравьёвы, С. П. Трубецкой и И. Д. Якушкин. Члены организации ставили перед собой целью ликвидировать самодержавие и ввести конституцию, отменить крепостное право. В 1817 году членами союза предпринята попытка организовать «Московский заговор»: с ним связаны планы убийства императора Александра I из националистических побуждений. Однако основную часть деятельности «Союза спасения» составляло просветительство – его члены публиковали произведения французских мыслителей, имея намерением таким образом повлиять на формирование общественного мнения. Организация просуществовала недолго: её участники разошлись во мнениях по поводу программы действий и методов борьбы.

Куда более многочисленным и активным может быть признан «Союз благоденствия», в рядах которого находились более 200 участников. При сходстве целей с «Союзом спасения» у этой организации были иные методы действия. Воздействие на общественное мнение дополнялось проникно-

вением во властные структуры, члены этого союза организовывали так называемые «ланкастерские школы» (школы самообразования для солдат, призванные воспитанию их в оппозиционном духе).

В 1821 году произошёл раскол организации на Южное и Северное общества. Различие их во многом определяется разным подходом к решению общественно-значимых вопросов, нашедшим отражение в их программах. Эти документы, соответственно, были подготовлены П. И. Пестелем («Русская Правда») и Н. М. Муравьёвым («Конституция»).

Так, «южане» будущей формой правления видели республику, а «северяне» – конституционную монархию. В области административно-территориального устройства члены «Южного общества» придерживались идеи унитарного государства, а члены «Северного общества» были приверженцами идеи федерации.

Представители «южан» полагали необходимым решать земельный вопрос более кардинальным способом, проведя освобождение крестьян с землёй, частичную конфискацию помещичьих земель, формирование двух фондов – общественного (земля из его состава подлежала распределению между всеми желающими и не могла быть объектом купли-продажи) и частного (эти земли предназначались для производства «изобилия»). Подход «северян» был куда как более умеренным, поскольку на первом этапе предполагалось освободить крестьян без земли, после чего – с предо-

ставлением минимального надела в размере 2 десятин.

При этих концептуальных различиях оба общества были едины в требованиях ликвидации сословий, предоставления населению России гражданских свобод, в необходимости отменить рекрутские наборы, ликвидировать военные поселения и ввести всеобщую воинскую повинность.

Идеология декабризма как историческое явление

Вопрос об идеологии декабристов не перестаёт волновать историков на протяжении без малого двух веков – всего того времени, которое отделяет нас от восстания 14 декабря 1825 года. Но нужно заметить, что, изучая факт формирования этой идеологии и определённую связь с русским и европейским просветительством, исследователи признают: конкретные формы такой связи, а также фазы эволюции просветительской эволюции не для всех являются очевидными. Особый интерес историков вызывает изучение так называемой «декабристской среды», под которой подразумевается «широкий круг идеологических, литературных и социально-бытовых явлений, где возникали и распространялись общественные и эстетические идеи декабризма». Прослеживается взаимодействие декабристов с общественным движением того времени, а также влияние их идей на революционное и общественное движение вообще в последующий период истории.

Определённо, возможно говорить о том, что мировоззрение декабристов связано как с либеральным идеологическим «обрамлением» официального курса Александра I, так и с разными национальными моделями действовавших в то время конституционных учреждений и либеральными док-

тринами второй половины XVIII – первой четверти XIX века.

Весьма показательно, что зарубежные (в первую очередь – французские и английские) современники декабристов соотносили их с европейской политической традицией, говоря об их воодушевлении идеями западного конституционализма.

Необходимо отметить, что для существования и распространения либеральных идей в первые два десятилетия царствования Александра I были достаточно благоприятные условия. Современники (особенно молодые), наблюдая успехи конституционного правления в других странах, предполагали, что подобный опыт распространится и на Россию. Даже после запрета в России тайных обществ (1822) сохранялась доступность ознакомления с литературой и периодической печатью европейских стран (показательно: о таком кругом чтения свидетельствовал состав библиотек таких известных людей того времени, как А. С. Пушкин, Н. М. Муравьев, П. Я. Чаадаев). Так, в России появился многотомник действовавших в то время конституций и описание государственного устройства «неконституционных» государств. Порой ощущалось, что Россия через некоторое время сможет присоединиться к числу «политических» государств (т.е. таких, где существуют те же институты и свободы, что и в европейских государствах).

Европейское просветительство и российские реалии

Политическое самообразование многих декабристов началось с ознакомления с трудами деятелей эпохи Просвещения. Особое место в их ряду занимали произведения Монтескье, «Дух законов» – в первую очередь. В этом труде центральное место отведено идее представительного правления. Оно понималось как политический механизм, который позволяет каждому гражданину участвовать в делах государства через своих представителей. Если для идеологов декабризма не вызывала сомнений необходимость в политической свободе и сравнительных достоинствах национальных моделей представительства, то воплощение этой идеи в условиях России (организация представительного правления) не было ими проработано ввиду неясности путей реализации. П. И. Пестель и Н. М. Муравьев в своих конституционных проектах так и не смогли решить вопросы, касающиеся имущественного ценза, механизма выборов и др.

Для конституций конца XVIII – начала XIX века, в основе которых лежали идеи Монтескье, основой являлась гарантия прав и свобод человека и гражданина. Главным смыслом создания конституций предполагалось обеспечение свободы и безопасности человека, защиты его от произвола (включая произвол, исходящий от государственной власти), воспри-

ятие гражданской свободы как свободы политической. Такой подход вполне объясним: в силу существовавшей в тогдашней России правовой традиции и культуры взаимоотношений между властью и личностью отечественным мыслителям было сложно понять и усвоить принципиальное положение классического либерализма о том, что свобода личности является отправной точкой политического и социального устройства.

Сущность правовых реалий первой четверти XIX века наглядно демонстрируют такие акты, как Польская хартия (1815) и Уставная грамота Российской империи (1820). В последнем из названных документе понимание гражданских прав и свобод изменено по отношению к первому: права граждан России рассматриваются не как естественные (т.е. присущие изначально каждому гражданину), а как некие «ручательства», установленные самодержцем-монархом. При этом принадлежность к нации обеспечивала гражданину полный объём гражданских прав, то в «Уставной грамоте» не найти термина «российские граждане», но используется понятие «российские подданные».

Показательно, что первым из прав граждан и в «Польской хартии», и в «Уставной грамоте» обозначена свобода вероисповедания, а следом – равенство всех граждан перед законом (в «Уставной грамоте») и свобода печати (в «Польской хартии»). Есть в положениях этих документов и нормы, формально гарантирующие неприкосновенность личности,

свободу перемещения, неприкосновенность собственности. В известной степени можно говорить о том, что эти нормы российского права заимствованы из французской хартии 1814 года, а та, в свою очередь, базируется на положениях «Декларации прав человека и гражданина» (1789).

Исследователи декабризма как социально-политического явления связывают рассмотрение вопроса декабристами о гражданской свободе, ее рамках и гарантиях с представлениями о реформировании социальной структуры общества. Однако даже в «Русской Правде» П. И. Пестеля и в «Конституции» Н. М. Муравьёва представления о реформировании российского общественного устройства изложены непоследовательно. В силу этого декабристов возможно оценивать как идеологов скорее политического, а не социального реформирования.

Очень важно обратить внимание на то, что в сферу гарантий прав личности против насилия со стороны государства во французском законодательстве революционного периода (конкретно – в конституции 1793 года) закреплено право «сопротивления насилию» («la resistanse a l'oppression»). Оно распространялось и на отношения личности и государства, причём народ рассматривался законодателем в качестве некой коллективной личности, а также было провозглашено право народа на восстание против государства, которое нарушило общественный договор. Такой подход во французском законодательстве восходит к идеям одного из видных

деятелей французского Просвещения – Ж.-Ж. Руссо – о «суверенитете народа». Хотя, как можно допустить, с творчеством этого мыслителя декабристы вполне могли быть знакомы, но концепцию народного суверенитета они не восприняли и, соответственно, не применили в своей практике. Они предпочли способ «военной революции», не предполагающей участия народа в процессе перехода власти.

Политические взгляды декабристов

При всём радикализме взглядов декабристы, в основной своей массе, были сторонниками умеренности политического идеала. (Исключение составляли, пожалуй, П. И. Пестель и его окружение, да идеологи «Общества южных славян»). И заключался этот идеал в конституционной монархии.

Говоря современным нам языком, исследователи называют декабристов либеральной оппозицией, поскольку выступали против власти, которая в начале 1820-х годов отказалась от реформаторского курса.

Программные документы организаций декабристов были достаточно эклектичны, противоречивы (договориться сторонникам преобразований так и не удалось), незавершёнными, да и известны далеко не всем этих объединений. Историки отмечают, что идейной платформой декабристов явилось ограниченное, «толкуемое исключительно в рамках конституции», понимание свободы.

Насколько бы не были либерально ориентированы идеологи декабристов (к примеру, Н. М. Муравьёв), насколько бы не была программа продуманной и авторитетной – говорить о последовательном либерализме ведущих деятелей движения достаточно сложно. Требование конституции для многих участников движения по сути ограничивалось лишь пониманием её как ограничения монархии. Далеко не все раз-

деляли свободу политическую и свободу гражданскую, не говоря уже о понимании механизма их реализации в условиях России.

Говоря об отношении к государству со стороны декабристов, нужно отметить следующее. Деятели Просвещения (в частности – В. Гумбольдт) полагали, что предназначение государства состоит в устранении препятствий на пути развития личности и в установлении общей безопасности. Всякое насилие над правом человека на самореализацию и наступление на его индивидуальную свободу В. Гумбольдт полагал совершенно вредным, хотя бы эти действия предпринимались бы из самых благих побуждений, а необходимость в государстве, по его мнению, диктовалась потребностью в поддержании баланса политических сил в обществе и предотвращении злоупотреблений. Вопреки просветителям, декабристы оставались во многом государственниками. Эта позиция была присуща и Н. М. Муравьеву, и П. И. Пестелю: оба идеолога декабризма стояли на позициях фактически неограниченных возможностей государства.

О важной роли положения о свободе печати и роли общественного мнения свидетельствуют документы, оставшиеся от «Союза благоденствия».

Особо следует сказать о свободе экономической деятельности и собственности. Данный принцип положен рядом мыслителей того времени в основы либеральной доктрины, но идеологи декабризма от него были достаточно далеки.

Не все даже были убеждены в необходимости отмены крепостного права в России, а те, кто даже рассуждал о «зле крепостничества», не всегда исходили из экономических доводов. Да и опыта хозяйствования у большинства участников движения декабристов не было.

Достаточно противоречивыми были взгляды декабристов на свободу ассоциаций. Отмечая журналистику, благотворительность, образование, воспитание подчинённых и вербовку новых членов как допустимые формы публичности, они продвигали проекты борьбы с враждебными тайными обществами – как в союзе с правительством, так и помимо него.

О свободе получения образования в документах движения декабристов не нашлось упоминания. Весьма мало внимания уделено свободе вероисповедания. Не столь однозначными воспринимались взгляды на национальный вопрос, отражённые в проектах, подготовленных П. И. Пестелем, хотя для Н. М. Муравьёва федерализм не рассматривается как право на свободу для национальных меньшинств (Россию этот идеолог предлагал реорганизовать в 14 самоуправляющихся «держав», построенных по территориально-административному принципу).

Рассматривая представления лидеров декабристов о необходимости индивидуальной (личной) свободы, необходимо отметить порицание членами тайных обществ не только политических «язв Отечества», но и «явного неуважения к человеку вообще». При этом не суть важно было, какой бы

не являлась форма политического устройства России (монархия или же республика): приоритет декабристы отдавали даже не реальному уравниванию всех в гражданских правах и подкреплению этого равенства гражданскими правами, даже не реальным выборам «президента республики», а необходимости создать такой механизм политического представительства, который способствовал ускорению гражданского развития российского общества и его социальную унификацию.

По мысли современных исследователей, для декабристов была характерна в основном политическая программа либералов, но вот введение её применительно к российским условиям предполагалось ими избирательно, фрагментарно. Если современник декабристов – близкий к правительству реформатор М. М. Сперанский – уже разделял свободу гражданскую и свободу политическую (политическая свобода даже рассматривалась им как условие свободы гражданской), то формы и гарантии участники обществ декабристов специально не обсуждались. Да и не все отдавали приоритет проведению конституционных реформ перед социальными преобразованиями.

Деформированный либерализм и его последствия

Нечёткость в расстановке приоритетов в части установления свобод (если сравнивать представления идеологов декабризма с классической либеральной доктриной) ряд историков оценивают как предпосылку перерождения либеральных настроений членов тайных обществ в период с 1818 по 1821 год в настроения политического заговора.

Взгляды, присущие идеологам движения, рядовым участникам и даже участникам восстания на Сенатской площади, не были единообразными. Для последних тонкости либеральной доктрины и возможности её воплощения в условиях тогдашней российской действительности не всегда были ясны и понятны: их нередко и не посвящали в «святая святых» заговорщиков. Так, не было единообразия в понимании даже таких терминов, как «конституция», «либеральный» и т. п. Многие «рядовые члены» движения в ходе расследования деятельности организаций свои воззрения обозначали весьма кратко и нечётко. Такое обстоятельство расценивается исследователями декабризма как не как либеральная система взглядов, а как некий «паралиберализм» или даже «псевдолиберализм», при этом под видом либерализма скрывается (причём не всегда осознано) что-то другое.

Лидеры декабристов и их взгляды

Одним из выдающихся деятелей движения являлся Павел Иванович Пестель (1793 – 1826), возглавлявший «Южное общество». Разработанный П. И. Пестелем конституционный проект, имевший название «Русская Правда», был поистине революционным. В документе провозглашалось уничтожение самодержавия, ликвидация крепостного права, введение в России республики. История сохранила высказывание Пестеля: «Я сделался в душе республиканец и ни в чём не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении».

«Русская Правда» предполагала, что высшим органом государственной власти надлежало стать народному вече, которое избирается всем народом на основе прямого и равного для всех граждан избирательного права без каких-либо ограничений.

В России, которая виделась П. И. Пестелю как республика, предстояло провозгласить равенство всех граждан перед законом, свободу слова, печати, ощутимо снизить налоги, а также сократить срок воинской службы для солдат. При этом рабство должно было быть «решительно уничтожено, дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми».

Для освобождённых крестьян предусматривалось наделе-

ние их земель и передача им половины земельного фонда страны, что могло быть осуществлено путём частичной конфискации помещичьих земель. В то время такой аграрный передел воспринимался как самый кардинальный.

Никита Михайлович Муравьёв (1796 – 1843) известен как один из первых организаторов тайных обществ декабристов.

Разработанная им «Конституция» России предполагала уничтожение крепостного права после революции: «Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным». В документе провозглашалось уничтожение сословий, объявление равенство всех перед законом, говорилось о свободе слова, печати и вероисповеданий. Однако, при всём радикализме предполагаемых перемен, предложения Н. М. Муравьёва были куда как более умеренные, чем взгляды П. И. Пестеля, и это связано в первую очередь с тем, что Россия виделась не как республика, а как конституционная монархия. При этом высшим законодательным органом Н. М. Муравьёв предлагал сделать двухпалатный парламент, избираемый на основе имущественного ценза и именуемый как «народное вече». Императору отводилась роль высшего чиновника в государстве. Однако отказ российского императора ввести конституцию мог быть поводом для провозглашения в стране республиканской формы правления.

Не столь решительным, как у П. И. Пестеля, видится и преобразование в аграрной сфере. Н. М. Муравьёв наде-

ялся на поддержку революционных преобразований со стороны дворянства, а потому предлагал сохранить ему существенные привилегии. В частности, предполагалось сохранение помещичьего землевладения при весьма ограниченных возможностях освобождённых от крепостной зависимости крестьян (им надлежало получать небольшие, в 2 десятины, земельные наделы).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.